
«Если чудо
вообще возможно
за границей...»

ЭПОХА 1950-х гг.
В ПЕРЕПИСКЕ РУССКИХ
ЛИТЕРАТОРОВ-ЭМИГРАНТОВ

Annotation

Оба участника публикуемой переписки — люди небезызвестные. Журналист, мемуарист и общественный деятель Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976) наибольшую известность приобрел как один из соредакторов знаменитых «Современных записок» (Париж, 1920–1940). Критик, литературовед и поэт Владимир Федорович Марков (1920–2013) был моложе на 37 лет и принадлежал к другому поколению во всех смыслах этого слова и даже к другой волне эмиграции.

При всей небезызвестности трудно было бы найти более разных людей. К моменту начала переписки Марков вдвое моложе Вишняка, первому — 34 года, а второму — за 70. Но дело даже не в возрасте. Вишняк всю жизнь был человеком общественной складки, над чем немедленно принялся подтрунивать Марков, никогда в эти игры не игравший и остававшийся индивидуалистом. Неудивительно, что они сразу же стали спорить друг с другом почти по всем пунктам. Неудивительно и что переписке не суждено было стать долговременной. Скорее удивительно, что между столь разными людьми переписка вообще завязалась. Для начала каждый попробовал перетянуть оппонента на свою сторону, затем, осознав всю безнадежность этого, попытались хотя бы объяснить и внятно изложить собственные позиции. Когда не удалось и это, начали поддевать друг друга и ловить на неправильном словоупотреблении, вскоре переписка естественным образом и оборвалась. Но сохранившиеся письма весьма показательны для настроений двух типов людей литературы. По крайней мере, всю пропасть непонимания они раскрывают весьма убедительно.

-
- [«...Мир на почетных условиях»: Переписка В.Ф. Маркова \(1920–2013\) с М.В. Вишняком \(1954–1959\)](#)
 - [О.А. Коростелев. Вступительная статья](#)
 - [1. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку](#)
 - [2. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову](#)
 - [3. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову](#)
 - [4. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку](#)
 - [5. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку](#)
 - [6. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову](#)
 - [7. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку](#)

- [8. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку](#)
- [9. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову](#)
- [10. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку](#)
- [11. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову](#)
- [12. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову](#)
- [13. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

**«...Мир на почетных условиях»:
Переписка В.Ф. Маркова (1920–2013) с
М.В. Вишняком (1954–1959)**

О.А. Коростелев. Вступительная статья

Оба участника публикуемой переписки — люди небезызвестные. Журналист, мемуарист и общественный деятель Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976) наибольшую известность приобрел как один из соредакторов знаменитых «Современных записок» (Париж, 1920–1940). Критик, литературовед и поэт Владимир Федорович Марков (1920–2013) был моложе на 37 лет и принадлежал к другому поколению во всех смыслах этого слова и даже к другой волне эмиграции.

При всей небезызвестности трудно было бы найти более разных людей. К моменту начала переписки Марков вдвое моложе Вишняка, первому — 34 года, а второму — за 70. Но дело даже не в возрасте. Вишняк всю жизнь был человеком общественной складки, над чем немедленно принялся подтрунивать Марков, никогда в эти игры не игравший и остававшийся индивидуалистом. Неудивительно, что они сразу же стали спорить друг с другом почти по всем пунктам. Неудивительно и что переписке не суждено было стать долговременной. Скорее удивительно, что между столь разными людьми переписка вообще завязалась. Для начала каждый попробовал перетянуть оппонента на свою сторону, затем, осознав всю безнадежность этого, попытались хотя бы объяснить и внятно изложить собственные позиции. Когда не удалось и это, начали поддевать друг друга и ловить на неправильном словоупотреблении, вскоре переписка естественным образом и оборвалась. Но сохранившиеся письма весьма показательны для настроений двух типов людей литературы. По крайней мере, всю пропасть непонимания они раскрывают весьма убедительно.

В своих рассуждениях Вишняк куда более логичен и точен (когда он ловит Маркова на противоречиях, возразить ему трудно), однако его логика далеко не всегда интересна и плодотворна. Марков противоречит себе на каждом шагу, цепляется к мелочам, часто оказывается не прав, однако в литературе он у себя дома и, как следствие, гораздо интереснее оппонента.

Письма Вишняка сохранились в архиве Маркова и ныне находятся в РГАЛИ (Ф. 1348. Собрание писем писателей, ученых, общественных деятелей), письма Маркова — в бумагах Вишняка (Hoover. Mark Vishniak Papers). Переписка публикуется целиком как с той, так и с другой стороны.

Список сокращений

Amherst — Amherst Center for Russian Culture. Amherst College (Amherst, Massachusetts)

BAR — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. The Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (New York)

Beinecke — Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University (New Haven, Connecticut)

Hoover — Hoover Institution Archives. Stanford University (Palo Alto, California) Leeds — Leeds Russian Archive. Brotherton Library. University of Leeds (Leeds, Yorkshire)

Library of Congress — Library of Congress. Manuscript Department (Washington, D.C.)

UCLA — University of California (Los Angeles, California)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РЗИА — Русский заграничный исторический архив (Прага, 1923–1945)

РМОЗ — Русское музыкальное общество за границей (26, avenue de New York, Paris)

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

РСХД — Русское студенческое христианское движение

ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва)

ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург)

ЦОПЭ — Центральное объединение политических эмигрантов (Мюнхен)

1. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку

282, Clay St. Monterey, Calif<ornia> 16 ноября 1954 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Простите, что пишу Вам, не будучи знакомым, без всяких церемоний.

Адрес Ваш я выпросил у Г.П. Струве^[1].

Дело вот в чем:

В 7-м номере «Нового журнала» опубликована переписка поэта Ходасевича с Вами^[2]. На стр. 291 он пишет, что некто Хирьяков^[3] в своей статье упомянул о стихах Льва Толстого^[4]. Ходасевич, естественно, зажегся любопытством и спрашивает — где же эти стихи.

Меня очень интересует, чем все это кончилось. Ответили ли Вы ему на это письмо? Были ли найдены эти стихи Л. Толстого?^[5] Я как раз сейчас занимаюсь стихами русских прозаиков в связи с проблемой стиха и прозы как таковых^[6]. Поэтому хорошая информация в этом вопросе для меня вещь первостепенной важности.

Очень был бы рад, если бы сообщили мне все, что знаете об этом.

Меня Вы вряд ли знаете. Я немного печатался в зарубежных изданиях (стихи, поэмы, статьи на лит<ературные> темы, переводы). В частности, в последнем номере «Н<ового> ж<урнала>» есть моя статья^[7].

Заранее благодарю.

Уважающий Вас

В. Марков (Владимир Федорович)

2. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову

502 West 113th Street New York 25, N.Y.

19. XI.54

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Ответ на Ваш вопрос прост: дело ничем не кончилось!.. Я, конечно, пытался получить упомянутые Хирьяковым стихотворные отрывки Толстого, но — не преуспел. Не помню уже, по какой причине. Может быть, не сумел снестись с Хирьяковым, который жил тогда, если не ошибаюсь, в Польше. И вообще трудно было предположить, что Хирьяков, толстовец и литератор, согласился бы с тем, чтобы другое лицо прокомментировало отрывки, — если они были в руках Хирьякова.

Это, к сожалению, все, что я могу сообщить по интересующему Вас вопросу.

С пожеланием всего доброго.

М. Вишняк

3. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову

La Playa Hotel Carmel-by-the-Sea California 15.VIII.55

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Обращаюсь к Вам по совету Г.П. Струве. От него же получил и Ваш адрес.

Я хотел бы обозреть вашу Школу^[8]. Возможно ли это без особых хлопот — прежде всего для Вас, а потом и для меня?..

Если возможно — и доступ открыт и дамам, — мы с женой отправились бы в Монтерей, познакомились бы с Вами и Вашими коллегами, расположенными к знакомству, и посмотрели бы, — а может быть, и послушали — то, что разрешено начальством.

Мы свободны весь день — от 10 ч<асов> у<тра> до 7 веч<ера> и позднее — после 8 ч<асов> в<ечера>. Но приходится считаться с автобусами, которые от того места, где мы живем, идут редко: в 10 ч<асов> у<тра>, 10.50, 1.00, 3.30, 4.00, 7.25.

Если вопрос решается положительно, будьте добры указать день и час, как от автобуса добраться до Школы и там найти Вас.

С приветом до личного знакомства

М. Вишняк (Марк Вениаминович)

P. S. Наш адрес: Playa Hotel. Room 105. Carmel.

4. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку

282 Clay Street Monterey, Calif<ornia> 8 июня 1956 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Глеб Петрович писал мне из Парижа, что Вы негодовали в письме к нему относительно моего последнего «опуса» в «Опытах»^[9]. Сам он тоже высказался отрицательно по этому поводу. Теперь обругал меня и Адамович в газете^[10]. Когда разные люди сходятся в оценке, это часто бывает доказательством правильности оценки. Можно было бы, конечно, протестовать против того или этого в этих всех отрицательных отзывах, можно было бы найти одно или два оправдания, но важнее для меня другое: я, кажется, написал скверную вещь, которую не надо было печатать. Правда, скверного немало печатается и, тем не менее, на это мало кто обращает внимание — но это опять-таки относится к области оправданий. Я думаю за это наказать себя — каким-нибудь образом.

Пишу Вам все это, потому что после Вашего визита в Монтерей давно чувствую некоторое неудобство. Нам, к сожалению, не удалось встретиться как следует, как помните: болезнь М.А.^[11] не позволила вам приехать к нам — и все время мы встречались или официально, или как-то «публично». Вследствие этого у обоих сложилось, наверное, неверное представление о другом. Я к Вам отношусь очень хорошо, но жалею, что не удалось поговорить по душам. Вы же явно вынесли обо мне впечатление как о неприятном выскочке, который мелет вздор. Насколько все это верно, не мне судить, но хочу заверить, что все мои нападки совершенно добродушны и злобность мне несвойственна. Очевидно, по причине моей литературной неопытности мне не удастся этот оттенок беззлобности отразить в моих писаниях. Но «инцидент» с заметкой в «Опытах» говорит о незрелости, кажется, и духовной, и вот тут-то и придется мне принять меры и наказать себя, как я уже сказал Вам. Пишу Вам все это к тому, что если другой раз придется Вам испытывать сильные чувства на мой счет — хорошего ли, плохого ли порядка — пишите мне о них прямо. Если это будет справедливо, ей-Богу, приму как должное и скажу спасибо.

С большим уважением

В. Марков

5. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку

11 июня 1956 г.

282, Clay St.

Monterey, Calif<ornia>

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Прочитал В<аше> письмо в «Н<овом> р<усском> с<лове>»^[12] и, не дожидаясь ответа на мое к Вам (которого, возможно, и не будет), пишу еще раз. Мне немного странно, что когда я писал более или менее прилично, мало кто замечал, когда я написал свою лучшую поэму^[13] несколько лет тому назад, хоть бы одна душа отозвалась, а вот когда я написал скверное и случайное — становлюсь «знаменитостью» и великие мира сего почитают меня своими негативными отзывами. Вашему письму в редакцию я несравненно больше рад, чем критике Адамовича (которого, кстати, раздражает не моя выходка против Кусковой, а мои возражения на его книгу, довольно почтительные с моей стороны, как мне кажется). В В<ашем> письме есть ирония («Заратустра»), правильно сказано о «незрелости» (только не возрастной, у меня в письме к Вам было сказано точнее: духовной). «Эстетского безразличия» у меня, однако, нет — это тот ложный образ, который Вы себе составили в посещение Монтерее (тогда ведь в моем присутствии даже на Полторацкого^[14], человека по взглядам совершенно противоположного Вам, Вы смотрели как на союзника, желая «единого фронта» против меня, а у меня всего только была задиристость, без которой, ей-Богу, было бы скучно жить). У меня только ценности несколько иные. К В<ашим> ценностям я, возможно, приду; беда, что Вы, по-видимому, моих никогда не примете (даже тех, которые несомненны).

Во всяком случае, после рецензии Адамовича я не могу побороть неприятного чувства к нему (там есть очень нехорошие вещи, если разобраться), а к Вам человечески отношусь очень хорошо. Как Вы ко мне, не знаю, но если плохо, то, право, напрасно.

Кстати, забыл упомянуть в прошлом письме, что «знатоком литературы» я все же остался (хотя себя таковым не считаю, просто очень люблю литературу). Что Демьян писал о Кусковой, не знаю (я Демьяна почти не читал), а Маяковский писал о ней в поэме «Хорошо!» (вот приду домой, добавлю номер главки, сейчас пишу на службе). Вижу, что Демьяна Вы знаете хорошо, а большие вещи Маяковского до конца не читали, а ведь Демьян не поэт, тогда как Маяковский — немаленький, как к нему ни

относиться. Боюсь, что «модернистичная» форма мешает дочитывать Маяковского. Ну вот, опять задирать стал. Ну что мне с собой делать? Простите, ради Бога.

Письма в редакцию с поправками по поводу Маяковского писать не стану.

Очень хорошо к Вам относящийся

В. Марков

P. S. В «Хорошо» Маяковского найдите главку четвертую, начинающуюся словами «Петербургские окна. Синё и темно». Там не только Кускова, но и Милюков. Довольно безвкусная пародия на «Евгения Онегина» (как видите, я Маяковского далеко не безоговорочно принимаю).

6. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову

13. VI.56

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Получил Ваше милое письмо от 8 июня, — мой приятель, которому я письмо прочел, назвал его и умным. Не уверен, что Вы написали бы подобное письмо после ознакомления с напечатанным мною в «Нов<ом> р<усском> слове» 10 июня.

Не ведая Вашей реакции на мою публичную реплику, скажу следующее.

Конечно, признание Вами самим «скверным» того, что Вы написали в «Опытах», в значительной степени ослабляет или даже отменяет мой пыл и возмущение. («Повинной головы и меч не сечет», — не то что слово.) Но то, что Вы написали мне в частном письме, остается совершенно неизвестным читателям «Опытов» и «Нов<ого> р<усского> слова».

Я поэтому рекомендовал бы, если Вы на самом деле «сами с собой» сожалеете о появлении в печати Вашей «скверной вещи», — довести <это> так или иначе до сведения не «общественности», которую Вы презираете, а общественного мнения, которого Вы не можете отрицать, потому что и мнение литературной братии, поэтов и критиков, с которыми Вы связаны, есть часть общественного мнения. Вы или редактор «Опытов» может написать еще одну «Заметку на полях» с объяснением «инцидента».

Теперь существо.

Я допускаю, что Вы, подобно другим, держитесь того мнения, что я «обиделся» за Чернышевского. Это верно лишь в небольшой мере или с оговоркой, поскольку Ч<ернышевский> герой не моего духовного романа. Гораздо сильнее я «обиделся» за русскую общественность, за русскую культуру, на которую так нападает Иваск и другие сотрудники «Опытов», и — немножко неловко за громкое слово, — за Россию!..

Вдумайтесь, что получается.

Не кто иной, как Бунин, — сам Бунин — учинил вселенскую смазь всем русским символистам, акмеистам, имажинистам и прочим, включая Белого и Блока^[15]. Теперь «незамеченное поколение», — которое я как-то назвал меченым поколением, — берет реванш и такую же смазь всеобщую учиняет реалистам и «позитивистам», от Чернышевского чрез Герцена до Овсянникова-Куликовского^[16] и Милюкова. С кем же — или при чем — в таком случае останется русская культура?..

Пусть Варшавский прав и Милюков в новейшем издании прибавил о русской литературе многое объективно неприемлемое^[17]. Но тот же Милюков в те же годы парижской эмиграции написал «Живого Пушкина»^[18], которого «сам» Ходасевич, к своему огорчению, признал отличной книжкой. Ходасевич точил зуб против Милюкова — и лично, как бывший сотрудник газеты Милюкова^[19], и идейно: он предвкушал, как расправится с ним, «тоже пушкинистом» (позитивистом, политиком и проч.). Я слышал сам от Ходасевича: — Увы (!), хорошая книга!.. Ничего не скажешь!..

Знаете ли Вы отзывы о Чернышевском людей не моего лагеря: Достоевского? Лескова? Страхова? Розанова?.. Если не знаете или позабыли, возьмите 27-ю книгу «Нов<ого> журнала» и на стр. 297 и след<ующих> в моей статье «Корни большевизма» найдете цитаты, которые мне лень выписать.

Знаю, что Розанов говорил о Чернышевском и в другом плане^[20], — в том самом, который «художественно» развил Набоков, вызвав Ваши восторги и восклицание «роскошь». Но с каких это пор физиологические отправления стали определяющим моментом в русской литературе?

Помню наш с Вами разговор и спор. Ваша «философия» вкратце сводится к тому, что политика, общественность, — зыбки, непрочны и никчемны. То ли дело художественные произведения, они будто бы вечны. Помнится, я тогда же доказывал, что формула Достоевского «красота спасет мир»^[21] оказалась не более плодотворной, чем все формулы общественников и других. И сейчас предлагаю Вам мир на почетных условиях. Предлагаю Вам признать, что этика не менее ценна, чем эстетика, и если мир «спасется», ему не спастись без определенной этики личной и коллективной.

Мне всегда казалось, что для эмигранта (не простого беженца), на личном опыте познавшего, к чему может привести плохая политика или дурная общественность, паки и паки обязательны поиски хорошей или лучшей политики и общественности, а никак не отрицание и заушение ее и бегство от нее.

Это все, что мне хотелось Вам сказать.

С пожеланием всего доброго

М. Вишняк

Предыдущее было написано, но не было отправлено, как пришло от Вас второе письмо, от 11 июня, уже по прочтении моего письма в «Нов<ом> р<усском> слове».

Я приятно поражен, что оно не встретило с Вашей стороны бурной реакции.

По существу оно не меняет сказанного выше, разве только что я никак не понял и не почувствовал, что Вы, нападая в разговоре со мной на политику и политиков, — «озоровали» или только поддразнивали меня.

Еще раз всего доброго!

Да, говорил ли я Вам, что Вен. Марков, А. Марков был моим псевдонимом в России и за границей. Но Ваши темы и подход — не мои, и нас не смешает «будущий историк».

7. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку

22 июня 1956 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Шум от моей «оплеухи» доходит до Монтерея. Вот уж не думал не гадал, что получу такую «известность». Не один из моих коллег хвалил меня (не читав «Опытов») только за то, что я оказался Вашим противником (вернее, Вы моим), и теперь, очевидно, «правые», которые меня терпеть не могли за мою защиту Хлебникова и Маяковского («левых»!), могут сделать меня своим героем — как же, выступил против Чернышевского, Кусковой и навлек на себя гнев Вишняка. Другие, наоборот, подходили и шептали: «Ну, теперь Вы пропали, Вишняк — человек с большим влиянием». В общем, ну их к черту! Вы все же преувеличили все это. Вот и Глеб Петрович, прочитав наконец «Опыты», пишет: «грех не так велик». Это ж подлинная заметка на полях, не придуманная, потому и заостренная, потому и бездоказательная. Слава Богу, что люди еще читают книги с заметками на полях, волнуются и преувеличивают.

Несмотря на Ваш вызов, ответа Вам писать не буду (публичного). Не думаю, что Вы истолкуете это превратно. Мне ответ Вам был бы даже выгоден, т. к. я в нем оправдался бы перед «общественностью» в вопросе с Маяковским и Демьяном и восстановил бы свое «доброе имя», «посрабив» Вас. Но я не люблю писать письма в редакцию. Дело не в том, что я презираю общественное мнение, а я его не чувствую, я вне «литературы», т. е. всех этих обсуждений, выступлений. Это не нищестество, не башня из слоновой кости. Я просто сторонник выводов и суда наедине со своей совестью, а не публичных покаяний или инвектив. Вот этими заметками попал в «литературу» и не рад теперь. Не знаю, удалось ли мне ясно донести мысль или я только утвердил Вас в мнении обо мне как об «эстет» (между прочим, считаю «эстетов» — парикмахерами).

Вот в конце письма Вы пишете об этике и предлагаете мне «признать, что этика не менее ценна, чем эстетика». Да когда же я был против этого? Напротив, я за этику двадцать эстетик отдам и что-нибудь впридачу. В статьях в «Гранях» и в «Опытах» я об этом только и писал последние годы. Но наше расхождение вот в чем: Вы пишете об этике «личной и коллективной», а для меня коллективная этика — противоречие в самом слове. Коллективной этики не только не было, но и не может быть, это мое глубочайшее убеждение (и не только мое). Так же и «коллективного»

читателя «Н<ового> р<усского> с<лова>» не представляю, не чувствую. Судить себя надо перед совестью, перед другим человеком, но не перед чужими людьми, которые меня не знают и знать не хотят. Вот письмо к Вам — другое дело, это общение человека с человеком, и Вы не можете себе представить, как я был рад В<ашему> письму и нашему «примирению». Плохо только, что в письме всего не скажешь: торопишься (пишу на службе), плохо формулируешь мысли. Жаль, что нельзя с Вами побеседовать в комнате (только не диспутировать в зале) — и обязательно несколько раз, потому что один раз — не типичен.

Нагородил Вам бессвязицы.

Всего хорошего.

Ваш В. Марков

8. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку

Department of Slavic Languages University of California Los Angeles 24, California 13 января 59 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Читаю Ваши воспоминания и наткнулся на обвинение меня (стр. 254) в «эстетском бесстыдстве»^[22]. Не знаю, что Вам ответить на это. Я сторонник персонального «выяснения отношений», а не «писем в редакцию» (до которых Ваше поколение было падко). Прежде всего, чисто по-человечески не могу понять, что у Вас за зуб против меня. Неужели Вы могли меня так невзлюбить за короткое посещение Монтеррея? Помню, что даже спора между нами тогда не было, я чуть только насканивал на Вас, но это вообще моя манера, на более близких я еще больше насканиваю (иначе было бы скучно жить). Короче, я печатно ни разу вас не атаковал, а Вы уже второй раз, причем первый раз постарались опубликовать свое письмо в двух центрах эмиграции — в Нью-Йорке и Париже — да еще обвинили меня неправильно по существу (я Вам об этом писал тогда), и теперь я хожу, по Вашей милости, в литературных невеждах — как это согласуется с идеалами «кристальности» Вашего поколения? Не сердитесь на мою иронию, я знаю, что Вы честнейший человек (это видно и по Вашей книге), но я считаю, что, не ответив Вам публично тогда (а ответить я не мог, ибо я, как Вам известно, животное необщественное — надо же и мне быть последовательным), поставил Вас в двусмысленное положение. Вы несправедливо ошельмовали человека и потом не извинились. Ну, Бог с ним, с этим. Только насчет «эстетского бесстыдства». Странные у Вас понятия об эстетстве. Вас послушать, так я этакий эмигрантский Оскар Уайльд. Какое же эстетство в любви к творческому? Я на стороне поэтов, художников и композиторов, которых человечество, как правило, не понимает и не ценит, которыми оно помыкает и помыкало. Часть этого есть и в Вашем отношении, скажем, к Цветаевой. А для меня Цветаева — кровная сестра, ей больно — и мне больно. Поэтам трудно жить, и ее заносчивость того же порядка, что у Пушкина в «Поэт и чернь» — и там и тут касание неуклюжими руками живого поэтического мяса. Хорошие люди касаются, плохие — все едино, все больно — ибо касаются другие, из другого теста сделанные, пусть иногда и с хорошими намерениями. Я никого не виню: так люди сделаны, но что я поделаю, если я, пусть плохонький, один из этих поэтов и их понимаю, Чернышевский для меня

не икона, как для Вас, у меня другие иконы (почему-то думаю, что более достойные). Чернышевский — бездарный писатель, которого мне запихивали в глотку в юные годы — неужели я должен теперь сдерживаться, когда я свободен. Не для одного меня не тайна — губительное воздействие «демократических» критиков (других) на литературу, которую я люблю и в которой живу. Неужели Вы и тут хотите учредить какую-то цензуру, как, сознайтесь, было в «Совр<еменных> зап<исках>». Конечно, это не советская и не николаевская цензура, но концентрационный лагерь не перестает быть таковым, если в нем лишь 2 человека, а не 2 миллиона. Не знаю, убедил ли я Вас, что я не «эстет», или же еще больше возмутил (Вы, кажется, любите возмущаться чужой «неправотой»), но вот мои несвязные соображения на этот счет. Насчет «бесстыдства» Вы тоже неправы: задор, заносчивость, что хотите: я люблю поцапаться, но «бесстыдство» не только преувеличение, а просто словесная неточность (поэтому у Вас и были недоразумения с поэтами, которые всегда точны в выражении мыслей, в отличие от политиков с их псевдо-точностью).

В общем, я за Цветаеву, а не за Чернышевского, ибо она для меня более бесспорное творческое достижение.

Не примите всего этого за личную неприязнь (которую скорее я готов видеть в Ваших замечаниях, хотя могу и ошибаться). Я Вас плохо знаю (тогда в Монтерее мы могли поговорить по душам и узнать друг друга, но этого не произошло), но как человек, судя по Вашей книге, Вы мне нравитесь, хотя в ином плане Вы совсем не «герой моего романа», и я иногда задаюсь вопросом: как Вы, чудесный человек, жили рядом и виделись с людьми, которыми я восхищаюсь, и ничем не облегчили их изгойства в этом мире (я не говорю о материальной помощи), не проявили понимания, которое им так нужно? Или такова их «планида»? Вы хорошо описываете, не крутите, не скрываете (хотя пишете иногда ужасно), и потому картина для постороннего наблюдателя ясна до слез.

Ну, нагородил Вам турусов и колес. Простите, что отвлекаю Вас от важных политических дел.

Уважающий Вас В. Марков

P. S. Сама Ваша книга — незаменимый документ. Это я уже говорю как «scholar».

9. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову

17.1.59

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Несколько удивился Вашему письму. Тем не менее благодарю за него: оно интересно, кое-что пытается объяснить и в этом смысле поучительно, — хотя, как Вы увидите, для меня и неубедительно.

Меня удивило не то, что «спец» (или «школяр») только через два года откликнулся на книгу, представляющую, по его словам, «незаменимый документ». Меня удивило Ваше недовольство, чтобы не сказать — претензии: по существу (об этом ниже) и по поводу того, что, опубликовав письмо в редакцию против В. Маркова в двух эмигрантских газетах, я в двух словах вернулся к тому же в книге (вышедшей примерно тогда же, когда появились письма).

Но воспоминания о «Совр<еменных> записках» воспроизводят многое, о чем я писал и публиковал раньше: кое-что приводится полностью, другое — в сжатой форме. Ведь то «Воспоминания». И я спрашиваю себя, — а если хотите, то и Вас: в чем же криминал?.. Сирин на десятки лет затаил раздражение против (а не «на», как пишет Берберова в «Мостах»^[23]) редакции «Совр<еменных> записок» за то, что она не напечатала (не имевшего никакого отношения к его художественно-литературному изображению) порока Чернышевского (теперь, после «Лолиты», объяснение этому можно было бы искать не в политической только его антипатии к Чернышевскому!). В книге я назвал Адамовича и Слонима, присяжных литературных критиков, осудивших, вместе с редакцией «Совр<еменных> записок», Сирина^[24]. Наряду с этим упомянул и Вас, пришедшего по особым причинам своей биографии в восторг от того, что Набоков дал «общественной» (в иронических кавычках Ваших, — хотя при чем тут ирония?!) России заслуженную «хорошую пощечину». Теперь Вы поясняете, что сделали это потому, что Чернышевского Вам большевики «запихивали в глотку в юные годы». Это — объяснение не совсем логичное (за преступления большевиков взыскивать со всей «русской общественности», даже с очутившейся в эмиграции), — и вряд ли может быть оправдано «литературным невежеством», как Вы выражаетесь. Нет, оно тут ни при чем. И «шельмовал» я Вас вовсе не за это. Вы, неизвестно почему, рискуете утверждать, что Чернышевский для меня «икона». Откуда Вы сие взяли? Это совершенно неверно. Но если бы

писали не в состоянии аффекта о Чернышевском, Вы могли бы узнать, хотя бы из моей статьи в «Нов<ом> журнале» № 27 об «Идейных корнях большевизма», как к Чернышевскому относились знавшие его современники, и не только такие, как Некрасов или Короленко, но и Страхов, Лесков, Достоевский и, особенно, Розанов!.. Это не может не убедить Вас в том, что Ч<ернышевский> вовсе не был тем «чудовищем», каким Вы себе его представляете. Прибавлю еще, что на Чернышевского сейчас всех собак вешают не только люди Вашего «духа», но и марксисты-антибольшевики, желающие реабилитировать Маркса и сделать ответственным за большевизм народничество. Прочтите письма Чернышевского с каторги, и Вы, может быть, почувствуете, что он был мучеником, а не мучителем.

Я никогда не чувствовал к Вам «личной неприязни», — скорее наоборот, — и всегда ценил Ваши литературные дарования и разносторонность. Именно поэтому я и огорчался, что Вы «ни в грош не ставите» (это, конечно, преувеличение) «этику» и подчиняете ее, или «добро», — эстетике, или «красоте» (в «добре» мораль переплетается с правом и политикой). Мое огорчение «кульминировало» в возмущении, которое вызвала Ваша атака против Чернышевского с одновременной атакой против сейчас уже покойной Е.Д. Кусковой. Такое же возмущение выражали вслух и противники Чернышевского, собравшиеся на расширенном заседании сотрудников «Опытов» с приглашенными лицами. Помню, Мих<аил> Мих<айлович> Карпович говорил первым и произнес проникновенную по чувству и убедительности речь о том, кем была и кто такая Кускова. Не сомневаюсь, что примерно так же говорил бы Глеб Петрович Струве, будь он на собрании^[25].

В «эстетском бесстыдстве» прилагательное было реминисценцией нашего былого спора об этике и эстетике; оно же, как мне казалось, несколько смягчало самое резкое мое осуждение Ваших выпадов (необоснованных) против живых (Кускова) и мертвых (Чернышевский). Должен ли был я или должен ли сейчас извиняться за свои слова?.. Никакого отношения к Уайльду или «уайльдизму» мои слова, конечно, не могли иметь.

Теперь о другом, затронутом в Вашем письме.

К Цветаевой относились отрицательно или по меньшей мере критически не одни только люди, сделавшие из Чернышевского свою «икону», по Вашей совершенно произвольной характеристике. А Гиппиус^[26], — или она не была из Вашего «цеха» поэтов, мазанных

особенным мирром? В отдельные периоды и Ходасевич писал о ней очень жестоко^[27]. Сам Степун говорил о «невнятице» Цветаевой^[28]. О себе скажу, что многого в поэзии Цветаевой просто не ощущал и не понимал, — например, в прославленном ее «Крысолове»^[29]. И я имею право на это, если и Степун не понимает многих стихов Пастернака. С другой стороны, если Цветаевой Достоевский «в жизни как-то не понадобился»^[30], — мне она в несравненно меньшей степени «понадобилась». Я ее знал как истеричную, сумасбродную, в ряде отношений непереносную женщину, — и я имел все основания сторониться ее.

Вы выделяете поэтов в особую категорию или касту «посвященных» или избранных. Я слишком многих поэтов знал и знал, увы, как низко каждый из них — или почти каждый — расценивал другого поэта, чтобы не видеть в Вашей восторженности функции Вашего возраста со всем присутствующим ему призрачным романтизмом. Нет, поэты вовсе не таковы, какими они кажутся Вам или себе, Бальмонту и другим: поэт «плюет», по слову Пушкина, не только когда «толпа его бранит» (или редактор с читателем)^[31], но и его же собрат — другой поэт...

Вы повторяете апокриф Яновского, Варшавского и других, будто в «Современных» записках» была цензура^[32]. На мой взгляд, Вы совершенно определенно смешиваете два разных понятия: цензуру и — редакцию. То, что Вы или Ульянов считаете нетерпимостью и цензурой, было отбором, и отбора не может не быть во всяком печатном органе, где материала больше, чем он вмещает. Сирина мы всегда предпочитали Яновскому и Цветаеву, несмотря на ее явную «невнятицу», Бальмонту. Может быть, выбор производился неправильно или вкуса, по Вашему, было мало, — но к цензуре это не имело решительно никакого отношения. Если в этом Вас не убедила моя книга, письмо, конечно, не может убедить. Прикиньте только, как действуют другие редакции, в том числе и лица, осуждавшие редакцию «Современных записок», — и Вы, может быть, согласитесь, что такой «либеральной» редакции, какой была редакция, состоявшая из 5 социалистов-революционеров, — другой не было. Даже недруги наши — справа (П. Струве^[33]) и слева (Чернов^[34]) — это отмечали, ставя нам это в плюс или в минус.

Это, кажется, все. — Да, еще два вопроса. Что значит «пишете ужасно иногда»?.. По содержанию «ужасно» или по стилю, по форме? Если второе, — пожалуйста, укажите, — хотя бы образцы. — С своей стороны, укажу, что «турысы и колеса» не имеет смысла; другое дело — «турысы на колесах».

Если будете писать, сообщите, чем занимаетесь — служебно и профессионально? Давно ли Вы в Лос-Анджелесе?

С искренним приветом.

М. Вишняк

10. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку

29 января 1959 г. Los Angeles

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Вы правы — письмо мое глуповато. Впопыхах я не сообразил (вернее, сообразил, когда уже отослал), что книга писалась, когда моя «оплеуха» была еще свежа в памяти. Зато получилось непосредственно, хоть и необдуманно. Все получилось потому, что меня задел личный выпад. Я все же давал «оплеуху» какой-то группе (тут Вы можете не понять; для Вас группа, партия не меньше, если не больше, человека; для меня же главное человек, а группы почти не существуют), а Вы вторично обозвали меня лично и печатно. Я же против Вас как Марка Вениаминовича в печати не выступал. Кроме того, я не считаю себя ни эстетом, ни бесстыдником. Вот весь этот комплекс и заставил меня вспылить. В ответ на В<аше> письмо кое в чем защищаюсь.

Я не читал Вашу книгу раньше, т. к. корпел как вол над диссертацией^[35] больше года — и ничего не читал, страшно отстал, лишь сейчас начинаю со многим знакомиться.

Объяснений моей «пощечине» сейчас не буду давать — давно это было и Вам уж, верно, надоело. Это надо объяснять устно и не один раз. Да и преувеличили это замечание тогда Бог знает как. Но дело не в этом. Я на Вас не в обиде за то, что Вы выступили против меня в газете и «заклеймили» за «пощечину». Это и естественно, и законно. Меня тогда задело, что Вы меня несправедливо обвинили в литературном невежестве (по поводу Маяковского и Д. Бедного) публично, тогда как невежество-то было Ваше: Вы не читали Маяковского. Это мой зуб против Вас, а не что-либо иное. Мне Маяковского полагается знать (Демьяна не так), Вам — нет, таким образом, Вы тут задели мою гордость, видимо, да так меня с этим пятном оставили (ибо я, м<ожет> быть, и по иной причине — не ответил). Ну Бог с ним, с этим делом.

Чернышевского я не считаю «чудовищем», а скучнейшим критиком, бездарным романистом и куцым эстетиком. Кроме того, он для меня ассоциируется с кандалами на русской литературе, возложенными и возлагаемыми ему подобными в течение десятилетий. А что он был честным человеком, «светлой личностью», вполне допускаю, но меня это мало интересует, не в этом контексте это для меня важно. Good for him!

Разве я где-нибудь писал, что «ни в грош не ставлю» «этику»? Я или

описался, или Вы меня не поняли. Да откуда же у меня тогда интерес к Швейцеру?^[36] Я даже в «Опытах» делал попытку этического подхода к литературе, очень осторожную, правда, т. к. это две области, которые могут и не соприкасаться. Насколько я помню, никогда в своей жизни не отрицал «этики», а последние лет десять даже влекся к ней. Не знаю, откуда у Вас это впечатление. М<ожет> быть, в личном разговоре я напал на политику, которую Вы склонны отождествить с этикой. Иначе не могу объяснить. Я «эстетом» был лишь в мальчишеском возрасте, когда читал впервые Уайльда — да и то месяца два, не больше.

А чем мой выпад против Кусковой не был «обоснован»? Что она не понимает Цветаевой (а видимо, и вообще стихов), не преступление, и почему об этом не сказать. Она же печатно отзывалась о Цветаевой^[37], а я о Столыпине печатно не отзывался.

Что Цветаеву не понимали и собратья — чести им не делает (кстати, почитайте, что Пастернак пишет о ней в автобиографии в «Н<овом> р<усском> с<лове>»^[38]), кроме того, иногда это вопрос времени: современники часто кого-нибудь сперва не ценят, а иногда только следующее поколение разбирается. Часто дело осложняется «партиями» в литературе или поколениями (Гиппиус — начало Серебр<яного> века, Цветаева — конец; Гиппиус царила в петербургских салонах и на Цв<етае>ву с высоты былой славы могла пофыркивать). Во всяком случае, большинство литературной верхушки, думаю, признавали Цветаеву. Насчет упомянутых мной «партий» Вы можете ухмыльнуться — но будете неправы. К глубокому моему сожалению, Серебряный век кишел «партиями» такого рода, мешал сходиться настоящим людям. В пушкинское время все же был идеал дружбы, а Блок сказал:

Друг другу мы тайно враждебны^[39],

но я уверен, что такая вражда — вещь искусственная. В идеале все лучшие люди подают друг другу руки, особенно в литературе (этому есть замечательные примеры — несмотря на «партии»). Утопия, скажете. Может быть, но очень дорогая моему «эстетскому» сердцу.

Я сам местами Цветаеву «не понимаю», но ведь поэзию слышат, а не понимают (и даже не чувствуют)! А что Цветаевой Достоевский не

понадобился или Гете для нее больше Толстого, не значит, что она и Д<остоевского> и Т<олстого> сбрасывает.

Вы часто пишете о моем возрасте. Да, я вдвое моложе Вас, но мне все же 39 лет — т<ак> ч<то> напрасно Вы видите во мне юношеский романтизм. И я знаю, что такое поэты, хотя знаком я со знаменитостями не бывал (и в СССР и здесь Бог миловал, т<ак> ч<то> мемуаров мне не о чем писать). Но о житейском и подлинном в поэте писал еще Пушкин. Т<ак> ч<то> «низким» в биографии поэтов Вы меня не удивите, я эту сторону их знаю хотя бы по письмам. Дело не в этом.

Насчет «цензуры» я, пожалуй, неправ. Готов с Вами согласиться. И вообще честь Вам и слава за «Совр<ременные> записки».

Что значит, что Вы «пишете ужасно»? Сейчас не могу найти особо разительных образчиков, не отмечал их при чтении, но вот наудачу:

р. 132. «взятое на себя редакцией заявлением» — 2 творит<ельных> падежа рядом с разной функцией — т. е. не слышите фразу, когда ее пишете (это то, что поэты делают, когда пишут — слышат).

Там же «началась печатанием» (почему же не «начала печататься»? — или «стала»?)

р. 186. «Библиографический отдел “С<овременных> записок” в отзывах сотрудников журнала был его наиболее уязвимым местом».

Тут «его» — невозможно звучит и все путает. Вообще, по-русски, где можно, притяжат<ельные> местоимения опускают. Выбросьте его, и сразу фраза лучше, а так это его относится и к журналу, и к отделу, и даже к слову мужского рода в предыдущей фразе. Да и вообще надо эту фразу начать с «Наиболее уязвимым местом» и т. д.

р. 203. «удовлетворял» + Dat.??

Вот такого много. Я читатель медленный и потому ломал себе язык частенько о такое. Но Вы — человек мысли, не языка, это естественно, м<ожет> быть. Да и я грешен в ляпсусах (но я хоть стараюсь себя слушать, когда пишу, и ошибаюсь лишь впопыхах).

Или вот еще

р. 225. «посмертная книга... Гиппиус, написанная... незадолго до собственной смерти» (чьей смерти, книги или Гиппиус; «собственный» и «свой», как правило, относится к подлежащему предложения; я уж не говорю о столкновении «посмертной» и «смерти»),

А насчет турусов и колес — это не из пословицы, а скорее из Пастернака (стих<отворение> «О, если б знал, что так бывает»). Это обычная вещь — переаранжировка привычного фразеологического выражения. А само выражение мне прекрасно известно.

Я теперь Assis<tant> Professor в Калифорн<ийском> ун<иверсите>те в Лос-Анджелесе, с сентября прошлого года, преподаю литературу и язык. Забросил критику и вообще эмигр<антскую> литературу (пока!^[40]), получил докторскую, хочу напечатать книгу о Хлебникове (уже сдал комиссии). А планов много, но устал зверски.

Ваш В. Марков

11. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову

7. II.59

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Пишу без всякой надежды Вас в чем-либо переубедить — больше для того, чтобы предупредить превратное толкование моего молчания.

Мне кажется, что Вы то и дело противоречите себе. Приведу пример. — «Для меня главное человек» (а не группы, как для других, грешных), утверждаете Вы. А что Вы написали о Кусковой или Чернышевском, в которых трудно отделить «человека» от других сторон их бывшего существования?! Чернышевский для Вас «кандалы на русской литературе», и Вы проходите спокойно мимо того, что он носил кандалы годами в реальности, а не символически. В качестве чуть ли <не> уступки Вы «вполне допускаете», что Ч<ернышевский> «был честным человеком», «светлой личностью» (в иронических кавычках), но... Вас «это мало интересует». И это называется — «для меня главное человек». И Вы еще спрашиваете, откуда у меня впечатление, что Вы «ни в грош не ставите этики». — Да вот отсюда. Вы называете себя «животным не-общественным», и Ваше нигилистическое отношение к «группам» оборачивается таким же отношением к индивидам, из которых эти «группы» состоят. Думаю, не выдам никакого секрета, если скажу, что даже сочувствующие Вам литературоведы считают Вашу «анти-общественность» и мнимую «аполитичность» — патологической!..

Вы оправдываетесь: если бы Вы ни в грош не ставили этики, откуда взялся бы Ваш интерес к Швейцеру?.. Но Швейцер, как известно, — не только гуманист, он многогранен. И Ваш интерес мог быть вызван к нему как к музыканту. А потом, неужели надо доказывать, что пути поэта и, тем самым, Ваши — «неисповедимы»: он слушает даже то, что читает, не так уж вчитываясь в содержание... Цветаеву и Вы «местами» не понимаете, однако довольствуетесь уже тем, что она не совсем «сбрасывает» Толстого и Достоевского. Правда, имеется у Вас и другой аргумент — через 200–300 лет, когда небо будет в алмазах, или следующие поколения «разберутся»...

«Я не скажу про всю Одессу» — вся «Одесса» (или эмиграция) слишком велика, — но при реалистическом (не «социалистическом») подходе на 1958 год, скажу за себя, что «хотя» Пушкин, Ходасевич, Тютчев или даже Блок — поэты, — все же я их почти полностью понимаю и потому отдаю им предпочтение перед косноязычными. (Между прочим: не

могу понять, почему и для чего Вы выбрали для американской диссертации такого заумного поэта, как Хлебников, — которого и русский читатель может осудить за приятие великого Октября, но отнюдь не понять?!)

У Вас, оказывается, главный «зуб против меня» за то, что я, перепутав Маяковского с Демьяном Бедным, приписал «невежество» Вам, тогда как сам в том повинен. Очень сожалею, что возвел на Вас напраслину. Не могу сейчас вспомнить или найти, откуда я взял, что это Демьян, а не Маяковский первый сказал неприличное «э» по адресу Кусковой. Но Вы должны согласиться, что в моих устах Маяковский, хоть и многим даровитее Демьяна, «как человек» стоит его — «оба хуже»... (Маяковский даже хуже.)

Наконец, последнее: «бесстыдство». — Вы сами называете себя «озорником», отмечаете свой «задор» и «заносчивость». Далеко ли одно от другого, — особенно если учесть, что одно Вы говорите о себе, а другое о Вас говорит «невежественный», как Вы выражаетесь, оппонент.

Благодарен Вам за отмеченные неудачи — стилистические — в книге. Кое в чем Вы правы. Кое в чем преувеличиваете. Не могу согласиться, что в «Библиографический отдел “Совр<еменных> записок” в отзывах сотрудников журнала был его наиболее уязвимым местом», — «его» все путает. — «Его» может с одинаковым успехом относиться и к «отделу», и к «журналу» — смысл остается тот же, и ничего здесь не спутано, если не искать повсюду путаницы и не делать недопустимых допущений (в другом примере), что «смерть» может относиться не только к автору, но и к его книге (стр. 225). — А если и поэту довлены «ляпсусы» и «переаранжировки» привычных выражений, — то о чем говорить применительно к нашему брату, не-поэту.

С пожеланием всяких успехов

М. Вишняк

12. М.В. Вишняк — В.Ф. Маркову

21. III.59

Многоуважаемый Владимир Федорович!

Из указанных Вами погрешностей языка в воспоминаниях о «Совр<еменных> записках» одни казались мне спорными, другие — ничтожными. Самым неприятным я считаю указание на «Dat.» — «удовлетворять потребности» (стр. 203)...

Ну конечно, удовлетворять потребность, голод, нужду, жалобу и т. д.

Я соглашался мысленно с Вами и огорчился. И вдруг, почти случайно, в словаре Ушакова (т. IV, стр. 899) в слове удовлетворять, под цифрой 4 прочел: «чему (Dat.?! — М.В.). Оказаться в соответствии с чем-ниб., вполне отвечающим чему-н. (чаще в этом знач. употр. несов. удовлетворять). Работа может у. всем требованиям (не все требования). Подбор книг не удовлетворил всем запросам читателей. Эта столовая не может у. моему вкусу».

Именно в этом смысле, так употребил «Dat.» и я... Что скажет по сему случаю литературовед В.Ф. Марков, «слушающий» свою речь?! Я положился было на «абсолютный слух поэта» — и едва не попал впросак.

Всего доброго.

М. Вишняк

13. В.Ф. Марков — М.В. Вишняку

5 апреля 1959 г.

Los Angeles

Многоуважаемый Марк Вениаминович!

Виноват перед Вами: не ответил на старое письмо, а сейчас еще одно пришло от Вас. В оправдание могу только сказать, что запустил всю корреспонденцию. Для того чтобы регулярно посылать посылки семье в СССР, приходится набирать разной работы для приработка, а это и отнимает время, и изматывает.

Насчет В<аших> писем: я не знал, что у Вас такие стилистические претензии. Выходит, что мои случайные и беглые замечания заставили Вас рыться по словарям, а теперь торжествовать, посрабив «профессора». Странно, я вот литератор, даже почти «писатель», а так не волнуюсь. Знаю, что у меня можно много найти оплошностей и что мои статьи писаны скверно. О В<ашей> книге я судил по общему впечатлению, но так как нужны были примеры, то я привел их наугад, выбрал at random^[41], потому что при чтении не отмечал. Можно, вероятно, набрать и более бесспорного, да времени нет. Но уверяю Вас, когда читал книгу, частенько у меня «мозга» заплеталась о корявые фразы. Здесь дело не в «абсолютном слухе», а в том, что я читаю любую книгу медленно и губами, т<ак> ч<то> все дефекты такого рода не пропускаю. Это моя мука, я иногда физически устаю от чтения «немузыкальных» книг, как будто весь рот в синяках от словесных кочек и буераков. И дело здесь не в принятой грамматике или словаре Ушакова, а чистом ощущении: вот как палец чувствует, горячо или холодно. Недавно мне, например, чуть не пришлось лечь в госпиталь от чтения Гончарова. Вы, конечно, и тут заподозрите в «незрелости» и «парадоксальности». Как же, Ваши кумиры давно «доказали», что Гончаров величайший стилист, а вот на мой «рот» (ибо читаю губами, «артикулятивно») хуже его никто не писал из наших классиков. После него Тургенев, например, как стакан воды в Сахаре. Есть и другие «негладкие» писатели, Гоголь, например, но тут не-гладкость высокого порядка, преднамеренная, рассчитанная, виртуозная (как и у Цветаевой, у Хлебникова), а у Гончарова просто потому, что Бог ему уха не дал. Впрочем, что я Вам пишу это все, все равно не согласитесь, для Вас все мерки еще в 19 веке созданы, как же можно их разрушать^[42]. Но, как говорит Пастернак, «как мне быть с моей грудною клеткой». Что делать,

если я вижу иначе: или я урод, или же действительно яснее вижу, чем некоторые. Кроме всего прочего, напрасны все мои доводы, т. к. Вам сам Ушаков доказал. Ничего не поделаешь. Я все же остаюсь при мнении, что Цветаева писала хорошо, а Вы плохо. И напрасно Вы язвите по адресу моего «профессорства». Я и не считаю себя «профессором», т. е. знатоком: я мало знаю и не во всех областях литературы разбираюсь, но какой-то слух к стилю есть — не столько от природы, сколько развитый чтением стихов. На том и держусь.

Разбирать Ваши отпоры на мои замечания не буду. Это было бы легко с глазу на глаз, а в письме — и длинно было бы, и не убедил бы (да Вас, вероятно, и с глазу на глаз не убедил бы).

Почему я выбрал Хлебникова для диссертации, спросите хотя бы Струве, м. б., ему удастся Вам объяснить. Впрочем, не взывая к Вашей эстетической стороне и вспомнив, что Вы — scholar (более подлинный, чем я), скажу, что забвение Хлебникова литературно-исторически недопустимо: он неисследован, очень влиял на русскую поэзию в 20-х гг., а главное — его репутация не соответствует настоящему положению вещей. Кроме того, диссертации могут писаться и о тех, кто «принял великий Октябрь». Наука различия не делает, да и самый этот факт в применении к Хл<ебникову> и второстепенен (по сравн<ению> с многими другими поэтами), и весьма сложен. От себя, субъективно, добавлю, что Хл<ебникова> почти никто не знает (два-три заумных стих<отворения> в антологиях извращают его облик), а я, чем больше копаюсь в нем, тем больше убеждаюсь, что это, вместе с Блоком, величайший русский поэт XX века (но это между нами, чтоб не говорили, что я люблю парадоксы и заострения).

Между «бесстыдством» и «озорничаньем» большая разница. В публичном употреблении первое — оскорбление, второе — доброе журение. Но, конечно, Вы не хотели меня оскорбить, просто у Вас, видимо, нет чувства слова. А спорить об этике* тоже надо нам с глазу на глаз. В прошлых письмах, написанных наспех, я, видимо, кое-что неясно сформулировал. А в общем, ставьте памятники Чернышевскому, только пусть он оставит литературу, к которой имеет мало отношения. «Мы», ей Богу, не так часто лезем в политику, чего «вам»-то надо в нашей бедной литературе. Не надо нам «преобразователей» жизни, «светочей» и т. п.

Вот Вы, наверно, осудили Адамовича, что он недавно назвал Белинского пустомелей^[43], а ведь прав Адамович. Такое же говорил о «неистовом Виссарионе» и Мирский^[44]. И действительно редко кто так размазывал, так страдал словесным поносом. Тут какое-то больное место.

Ведь вот заступиться за Боратынского Вам бы не пришло в голову, а за Белинского сразу небось, как и Аронсон в рецензии.

А я знаю, что я, например, никого в тюрьму не сажал бы, а Белинский посадил бы, если ему дали возможность^[45]. Нет уж, возьмите себе такую «этику».

Убеждать Вас не думал нив чем, но поболтать с Вами приятно. Я вас ведь ценю за многое.

Ваш В. Марков

P. S. Меня позабавило, что Вы копию своего письма послали Струве^[46]. И тут должны быть «общественником».

* <Примеч. В.Ф. Маркова на полях:> Есть этика и иная. И в ней я в помощи Кусковой не нуждаюсь, при всем моем к ней уважении.

notes

Примечания

Г.П. Струве протезировал Маркову, помог поступить в докторантуру Калифорнийского университета в Беркли, консультировал в литературоведческих и диссертационных делах. Их гигантская тридцатипятилетняя переписка, часть которой находится в архиве Гуверовского института, а другая часть — в собрании Жоржа Шерона, частично опубликована: «Ваш Глеб Струве» (Письма Г.П. Струве к В.Ф. Маркову) / Публ. Ж. Шерона// Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 118–152. Целиком переписка подготовлена нами к печати: Переписка Г.П. Струве и В.Ф. Маркова (1949–1984): В 3 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. О.А. Коростелева и Ж. Шерона / UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. 6–8. Los Angeles: Univ. of California Press, 2009.

Письма В.Ф. Ходасевича М.В. Вишняку // Новый журнал. 1944. № 7.
С. 274–287.

Хирьяков Александр Модестович (1863–1942) — литератор, по взглядам толстовец. Эмигрировал в 1923 г., жил в Берлине, в Париже, с 1928 г. в Варшаве. См. о нем: Гомолицкий Л. А.М. Хирьяков: Пятидесятилетие литературной деятельности // Меч. 1937. 28 августа. № 33. С. 3. В 1925 г. Хирьяков опубликовал в «Современных записках» неизданный вариант повести Л.Н. Толстого «Казачьи», указав в предисловии: «Из дневников Толстого видно, что в течение некоторого времени “Казачьи” писались в двух параллельных одновременных вариантах, причем один вариант писался в прозе, а другой в стихах. Но стихотворная форма совершенно не соответствовала характеру дарования Толстого, и эта попытка была вскоре оставлена автором. Сохранившиеся стихотворные отрывки “Казачьи” не представляют интереса» (Современные записки. 1925. № 26. С. 6).

22 декабря 1925 г. Ходасевич писал Вишняку: «В 26 книжке “Современных записок” вступительную свою заметку к “Казакам” Хирьяков кончает такую фразой: “Сохранившиеся стихотворные отрывки Казаков’ не представляют интереса”. Это, конечно, простите, — глупо. Но дело не в том. А дело вот в чем. Кроме севастопольской песни (стилизации, в сущности) да еще одного шуточного письма к Фету (да и того никто не помнит), стихов Толстого доньше не существовало в печати. Они, разумеется, представляют колоссальный интерес. Так не похлопочет ли редакция “Современных записок”, не добудет ли из-под Хирьякова этих отрывков, буде они у Хирьякова. Мы бы их напечатали с послесловием Ходасевича, которому любопытно, как Толстой “вертит стихом”. Ах, как бы я засел за такую штуку! Этому самому Хирьякову, которому царствие небесное обеспечено, скажите иль напишите: что есть — давайте, хоть 10 строчек! Мы и в десяти разберемся. Ах, батюшки мои, до чего любопытно и до чего не терпится. Умоляю — ответьте, можно ли это дело сварганить. Стихи Толстого! Да ведь это все равно что... да нет, это и сравнить не с чем! “Не представляют интереса”! Ах, олух!» (Новый журнал. 1944. № 7. С. 291).

См.: Булгаков В.Ф. О Толстом. Тула: Приокское кн. изд-во, 1964 (глава «Толстой- стихотворец»).

Позже Марков опубликовал статьи «О стихах Чехова» (Anton Cechov, 1860–1960: Some Essays / Ed. T. Eekman. Leiden: E.J. Brill, 1960. P. 136–146) и «Стихи русских прозаиков» (Воздушные пути. 1960. № 1. С. 135–178).

Марков В. Мысли о русском футуризме// Новый журнал. 1954. № 38.
С. 169–181.

В Школе военных переводчиков (Army Language School) в Монтерее Марков преподавал русский язык с 1950 по 1957 г.

Марков В. Заметки на полях // Опыты. 1956. № 6. С. 62–66. Наибольшее возмущение вызвали два пассажа Маркова; в первом, посвященном спору о «незамеченном поколении», была задета Е.Д. Кускова: «Г-жа Кускова (которую в свое время воспел Маяковский) входе дискуссии высказалась на тему, почему-то до сих пор очень популярную в некоторых околотературных кругах — о “понятной” и “непонятной” поэзии. Пример был взят из той же многострадальной Цветаевой — стихи совершенно понятные, даже ребенку, и вдобавок еще очень хорошие. Я их не знал и пользуюсь случаем поблагодарить Кускову за информацию»; во втором — Чернышевский и вместе с ним вся «общественность»: «Глава о Чернышевском в “Даре” Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все ведь заждались хорошей оплеухи “общественной” России» (С. 65). «Заметки на полях» вызвали бурный, совершенно несоразмерный с ожидаемым резонанс. Самые маститые присяжные критики эмиграции — каждый по своей причине — обратили внимание на Маркова, чему он был совсем не рад. 2 июня 1956 г. Г.П. Струве писал Маркову из Парижа: «На Вашу статью получил крайне возмущенный отклик от М.В. Вишняка. Он в совершенном ужасе, просит меня даже по дружбе что-то “сделать” с Вами, пробрать или проучить. Я не могу, поскольку не знаю, в чем дело. Но очевидно речь идет о чем-то недопустимом, что Вы написали по адресу Е.Д. Кусковой (кстати, я с этой замечательнейшей 87-летней женщиной провел несколько интереснейших вечеров в Женеве — я ведь специально для нее туда ездил), и еще более “недопустимой фразе о Чернышевском а ргоро сиринаского “Дара”. Судя по приведенной Вишняком цитате, фраза действительно малоуместная. <...>...Боюсь, что в том, на что указывает Вишняк, сказало не раз замеченное мною у Вас озорство и отсутствие “решпекта” к вещам, которые заслуживают иного» (Собрание Жоржа Шерона). Марков ответил Струве 8 июня 1956 г.: «Получил Ваше письмо с нотацией — поделом мне! Написал Вишняку тоже о том, что ошибку сознаю. Некоторые оправдания у меня есть (не снимающие вины, конечно). Писал я все это давно, когда еще шла газетная дискуссия между Кусковой и Яновским. Теперь же все уже читали саму книгу Варшавского, гораздо более широкую по содержанию, и мои замечания кажутся особенно легковесными и неуместными. К тому же Иваск сильно “обработал” все (вот когда прочитаете, услышите, что звучит местами совсем как Иваск — а

значит, и усиляет впечатление развязного легкомыслия. <... > Еще одно оправдание: я это писал “из-под палки”, Иваск очень просил что-нибудь для номера, а у меня ничего готового не было. Можно, конечно, возразить, что скверного немало пишут сейчас на страницах нашей печати. Откуда мне такая честь — что все возмутились? Тем более что вещь-то короткая, проходная, “вторичная”, ни на что не претендующая. <... > Очевидно, придется наложить на себя какой-то “обет молчания”» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9).

Ознакомившись с «Опытами», Струве написал Маркову 15 июня 1956 г.: «Я прочел ту статью, которую Вам инкриминировал Вишняк, и нашел, что “не так страшен черт, как его малютки” — не так уже велик Ваш грех. <... > У Вас мне не понравились “афоризмы” в конце статьи — они какие-то дешевые и Вас недостойные. Но все-таки это не значит, что Вы должны замолчать, как Вы пишете в письме, которое я нашел здесь» (Собрание Жоржа Шерона).

17 июня 1956 г. Ю.П. Иваск сообщил Маркову о развитии сюжета: «10-го было собрание “Опытов”. Что там творилось... Сперва о Вас. Разговор было много. Все признали, что Марков талантлив, но два часа обсуждали Вашу оплеуху и один час пенис Поплавского. <... > На меня большое впечатление произвел Вишняк — еще недавно был он моложавый самодовольный адвокат-социалист, а тут он явился рыдающим Иеремией. Я постарался его успокоить. Что делать — Чернышевский для него святой, как Никола для бабы. Это вера. Ульянов и Коряков сказали, что Ваши заметки не на художественной высоте, но вместе с Завалишиным отмежевались решительно от Чернышевского и Вишняка. Но Варшавский и я, мы поняли Марка Венъяминовича, и я с ним еще долго беседовал по телефону. Ваша оплеуха по сути и по контексту добродушна. Но теперь я вижу, что надо было и оплеуху, и пенис (Поплавского) опустить, чтобы не дразнить гусей. Кое-кто грозил почтенной доброй издательнице и мне американской тюрьмой! <...> Уравновешенный Карпович говорил как всегда хорошо и умеренно, хотя и был против оплеухи. Между прочим, Завалишин сказал, что Аронсон импотент, и я, как председатель, его остановил. <...> Не принимайте всего этого так горячо. Адамович Вас ценит. Вишняка мы успокоим. Таланты Ваши признаны» (Собрание Жоржа Шерона).

22 июня 1956 г. Марков пересказал Струве письмо Иваска, добавив: «С Вишняком у нас полный мир. Я написал ему “милое” письмо, в котором не настаивал на том, что мои заметки “шедевр”, называл их “скверными” (что в конце концов и недалеко от истины) — и это его обезоружило» (Hoover.

Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9). Струве в свою очередь сообщил Маркову из Лондона 24 июня 1956 г.: «Вчера получил письмо от Вишняка. Он пишет, что, подобно тому как они несколько месяцев “жили под знаком” или “в эпоху” Варшавского, так целая неделя прошла у них “под знаком” В. Маркова. Описывает вкратце собрание, посвященное “Опытам”, на котором он выступал против Вас (и Карпович тоже)» (Собрание Жоржа Шерона). В полемику с Марковым вступил и В.В. Вейдле в статье «О спорном и бесспорном», обратив внимание на его высказывания об «отцах и детях в эмиграции»: «О поколениях в этой статье рассуждает он, как мне кажется, совсем неправильно. <...>...В том-то и беда, что никакой борьбы литературных поколений нив России, нив эмиграции не происходит. Когда Марков полемизирует — с Г.В. Адамовичем, например, — он ищет точку опоры не в несуществующих литературных позициях своего поколения, а либо в своих частных взглядах, либо в литературных позициях одной из частей того поколения, к другой части которого принадлежит и сам Адамович. Когда же Марков пишет о “поколении отцов”, что оно, “зачитываясь Михайловским и Марксом, не имело времени читать Еврипида и Расина”, он забывает, что писатели у нас, даже и в конце прошлого века, вовсе не так уж усердствовали по части Маркса и Михайловского, тогда как тот же Анненский, например, Еврипида, во всяком случае, читал, да и Расина тоже, чего я не решусь утверждать ни о Хлебникове, ни о Маяковском, ни о многих из тех, кому они годились бы в отцы. Дело тут не в поколениях; дело в том, что в эмиграции, именно вследствие неустроенности, да и относительной бедности ее литературной жизни, постоянно велись и ведутся споры не о спорном, не о том, что заслуживало бы спора, а о бесспорном» (Опыты. 1956. № 7. С. 42–43).

Георгий Иванов, прочитавший № 6 «Опытов» с большим опозданием, ободрил Маркова в письме от 6 октября 1957 г.: «Обмолвка о Чернышевском “роскошь” сама по себе — не даром она так искренно возмутила всех Вишняков эмиграции» (Georgij Ivanov / Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einl. hrsg. von H. Rothe. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verl., 1994. S. 79).

Рецензируя № 6 «Опытов», Адамович написал: «“Заметки на полях” В. Маркова меня озадачили. Из авторов, появившихся в нашей печати после войны, это один из тех, с которым связаны большие надежды. Но до чего он боек, небрежно поверхностен, многословен, с налетом “легкости в мыслях необыкновенной”! В его коротеньких заметках кое-что остроумно. Удивляет, однако, самая мысль эти заметки представить на суд читателей: это — будто крохи с некоего роскошного стола. А в данном случае никакого стола еще нет» (Новое русское слово. 1956. Зиюня. № 15681. С.8). Зиюля 1956 г. Марков признался Г.П. Струве: «В моих печальной славы "заметках" была пародия на стиль Ад<амовича>, но Иваск выбросил, боясь обидеть» (Hoover. Gleb Struve Papers. Box 105. Folder 9).

Марья Абрамовна — жена Вишняка (с 1908) — тяжело заболела летом 1955 г. и 3 декабря того же года скончалась. Подробнее о ней см. в мемуарах Вишняка «Дань прошлому» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954). 7 сентября 1955 г. Г.П. Струве сообщил Маркову: «Жена Вишняка поправляется, и они на будущей неделе в понедельник (т. е. на неделю позже первоначально назначенного срока) улетают из Пало Альто (где уже больше недели находятся и где г-жу Вишняк пришлось поместить в больницу) в Нью-Йорк» (Собрание Жоржа Шерона).

Заметка Вишняка «Об «Опытах» № 6» появилась почти одновременно в «Новом русском слове» (1956. 10 июня) и «Русской мысли» (1956. 12 июня). Формально она была откликом на статью Адамовича «Опыты» (Новое русское слово. 1956.3 июня), но речь в ней шла почти исключительно о Маркове:

«Характеристика Гоголем Хлестакова, мне представляется, — не покрывает полностью того, что на своих трех страничках изобразил Заратустра из «Опытов». Я имею в виду не только выпад против Е.Д. Кусковой, сделанный сученым видом знатока, опирающегося на авторитет Маяковского, якобы «воспевшего» «г-жу Кускову» в свое время, когда эта заслуга принадлежит не Маяковскому, а Демьяну Бедному. Меня возмутила, конечно, выходка г. Маркова по адресу русской общественности.

Он пишет: Глава о Чернышевском в «Даре» Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все (?) ведь заждались хорошей оплеухи «общественной» России.

По молодости ли лет, возрастной незрелости или по эстетскому безразличию к справедливому и несправедливому В. Марков мог не знать и не ощущать «оплеухи», нанесенной российской общественности еще в октябре 17-го года единомышленниками Демьяна Бедного и Маяковского. Но как решились опубликовать эту непристойность руководители «Опытов», если они стремятся продолжать «традицию» русской литературы?» (Русская мысль. 1956.12 июня).

Марков В. Гурилевские романсы // Новый журнал. 1951. № 25. С. 88–120. Позже поэма вышла отдельным изданием (Париж, 1960).

Полторацкий Николай Петрович (1921–1990) — славист, историк русской религиозно-философской и эстетической мысли. Родился в Турции, жил до 1944 г. в Болгарии, затем в Париже, с 1955 г. — в США. Профессор Мичиганского и Питтсбургского университетов, в то время готовил первый фундаментальный сборник статей и материалов, целиком посвященный литературе русского зарубежья: Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972.

Бунин И. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950.

Правильно: Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) — литературовед, лингвист харьковской школы, публицист позитивистского толка, увлекавшийся социалистическими идеями.

Имеется ввиду юбилейное «дополненное и измененное» издание книги П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» (Париж: Современные записки, 1931), в которое были включены страницы о новейшей русской литературе. Отзыв В.С. Варшавского об этой книге, а также о взглядах П.Н. Милюкова на литературу см.: Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 196–197, 210, 277–278.

Милюков П.Н. Живой Пушкин: Историко-биографический очерк. Париж, 1937. В.Ф. Ходасевич не отозвался печатно о книге П.Н. Милюкова, но появившиеся в печати отзывы критики, в частности Адамовича (Последние новости. 1937.20 мая. № 5899. С. 2), Н.К. Кульмана (Современные записки. 1937. № 64. С. 469–470), были весьма благожелательны.

Сотрудничество В.Ф. Ходасевича в «Последних новостях» продолжалось с весны 1925 до осени 1926 г., когда Милюков заявил, что Ходасевич «газете совершенно не нужен» (Берберова Н. Курсив мой.: В 2 т. Нью-Йорк: Russica Publishers, 1983. Т. 1. С. 254).

В.В. Розанов в своих произведениях неоднократно возвращался к этой теме: в «Людах лунного света», «Мимолетном» и др.

В таком варианте эта «формула» у Ф.М. Достоевского встречается один раз: в романе «Идиот» Аглая говорит князю Мышкину: «Слушайте, раз навсегда... если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что “мир спасет красота”, то...» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. С. 436).

В воспоминаниях Вишняк еще раз привел цитату из «Заметок на полях», заявив: «Эмигрант новой формации, поэт и литератор В. Марков отнесся к посрамлению Чернышевского с эстетским бесстыдством» (Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana Univ. Publications, 1957. С. 254).

Вишняку не понравился употребленный Н.Н. Берберовой в полемике с Марковым оборот: «Откуда такое раздражение на “Серебряный век”?» (Берберова Н. По поводу статьи Владимира Маркова «О большой форме»: В порядке дискуссии // Мосты. 1958. № 1.С. 180).

В своих воспоминаниях Вишняк привел две цитаты: «По мнению Г. Адамовича, Набоков-Сирин обрушился в “Даре” на Чернышевского с “капризным легкомыслием” (“Одиночество и свобода”. С. 221). М. Слоним отозвался о “Даре” как о “злбно полемическом романе”, в котором В. Сирин “выставил Чернышевского каким-то полудиотом” (“Новое русское слово” от 3 июля 1955 г.)» (Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington: Indiana Univ. Publications, 1957. С. 254).

См. написанный Г.П. Струве некролог «Памяти Е.Д. Кусковой» (Новое русское слово. 1959.5 января).

17 января 1926 г. З.Н. Гиппиус писала Вишняку: «Стихи Цветаевой — конечно, дело вкуса редакции, но на одной странице с моими — этот узел, — во всяком случае, бесспорное безвкусие» (Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. С. 220).

Наиболее враждебно В.Ф. Ходасевич относился к М.И. Цветаевой во второй половине 1920-х гг. 27 марта 1925 г. Ходасевич в письме Вишняку привел шуточную «рецензию» на № 23 «Современных записок», в которой было опубликовано стихотворение Цветаевой «Двое»: «Цветаева — вывихнутая бабенка; у нее неправильное положение матки, это можно вылечить; напишите ей, чтобы не носила высоких каблуков» (Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 485–486). В начале 1930-х гг. Ходасевич составил для Вишняка списки «Кого я хвалил» и «Кого я бранил», включив Цветаеву в оба: в первый четыре раза, во второй — два. К середине 1930-х гг. былая вражда сменилась дружбой, и Цветаева с Ходасевичем даже устраивали совместный вечер стихов (2 февраля 1935 г.).

В предисловии к книге: Цветаева М. Проза. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 11.

Она же. Крысолов: Лирическая сатира // Воля России. 1925. № 4–7/8, 12; 1926. № 1.

12 мая 1934 г. М.И. Цветаева писала Ю.П. Иваску: «Достоевский мне в жизни как-то не понадобился, обошлась» (Русский литературный архив / Под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956. С. 216).

Переиначенные строки из стихотворения А.С. Пушкина «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной...») (1830). У Пушкина: «...пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь».

Этот «апокриф» неоднократно пересказывался бывшими «молодыми» писателями в ходе дискуссии, вспыхнувшей после публикации глав из книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» (Новый журнал. 1955. № 41. С. 103–121; Опыты. 1955. № 4. С. 65–72). Публикация глав из книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» (Новый журнал. 1955. № 41. С. 103–121; Опыты. 1955. № 4. С. 65–72) вызвала длительную полемику, преимущественно на страницах газеты «Новое русское слово»: Аронсон Г. Новый журнал. Книга 41 // Новое русское слово. 1955. 24 июля. № 15793. С. 8; Слоним М. «Незамеченное поколение» // Там же. 31 июля. № 15800. С. 8; Кускова Е.Д. О незамеченном поколении // Там же. 11 сентября; Яновский В.С. Мимо незамеченного поколения // Там же. 2 октября. № 15436. С. 2, 5; Терапиано Ю. По поводу незамеченного поколения // Там же. 27 ноября. № 15492. С. 8; Трубецкой Ю. Недооцененное поколение // Там же. 11 декабря. № 15506. С. 8; и др. Основная полемика развернулась после публикации книги отдельным изданием (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956).

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) редактировал в эмиграции журнал «Русская мысль» (1921–1924,1927), разоблачая, по словам Вишняка, «эсеров и народников <...> и утверждая, что марксистское истолкование истории имеет все преимущества перед народничеством» (Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. С. 261).

Лидер «левого центра» партии эсеров Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) в эмиграции был редактором журнала «Революционная Россия» (1920–1931; № 1-78), в котором неоднократно публиковал статьи, критикуя редакцию «Современных записок» за «реакционность» и измену идеалам социализма, интернационализма и революции.

Марков в это время готовил диссертацию о В. Хлебникове, защита которой состоялась в 1957 г. и которая позже вышла отдельной книгой: Markov V. *The Longer Poems of Velimir Khlebnikov*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1962; переиздана: Westport (Ct): Greenwood Press, 1975.

Маркову принадлежит большая статья об Альберте Швейцере «Человек в джунглях» (Грани. 1953. № 19. С. 110–127).

Е.Д. Кускова писала о М.И. Цветаевой в статьях «О причинах инертности» (Новое русское слово. 1954.9 сентября) и «О незамеченном поколении» (Там же. 1955.11 сентября. № 15842. С. 2).

Имеются в виду «Люди и положения» Б.Л. Пастернака, напечатанные под названием «Автобиографический очерк» (Новое русское слово. 1959.12–26 января).

Первая строка стихотворения А.А. Блока «Друзьям» (1908).

В 1960-е гг. Марков чаще публикуется на английском, но совсем печататься на русском не перестает.

Наугад (англ.).

В своих мемуарах В.С. Яновский писал: «Вишняк мне с гордостью заявил, что каким он был в 1917 году, таким он останется навсегда, ни на йоту не меняясь. Мне это показалось чудовищной тратой жизни и времени» (Яновский В. Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк: Серебряный век, 1983. С. 178).

Завершая статью «Невозможность поэзии», Адамович обращался к Е.А. Баратынскому: «И хочется сказать: Евгений Абрамович, не первый русский поэт, но в поэзии первый наш учитель, за холод, вас окружавший, за снисходительное, да и то с оговорочками, одобрение пустомели Белинского, дававшего вам понять, что вы — человек отсталый, а он — человек передовой и потому вправе учить вас уму-разуму, за все, куда докатились мы после вас, за человеческую низость, за “бронзы многопудье”, за вашу стойкость, ясновидение и печаль позвольте послать вам поклон, “смиренно преклонить колени”, как сказано у другого поэта, “учитель, перед именем твоим”...» (Опыты. 1958. № 9. С. 51).

По мнению князя Д.П. Святополка-Мирского, на Белинском «лежит вина за ужасающее многословие и неряшливость русских журналистов второй половины XIX века (имею в виду журналистов, а не газетчиков). <... > Безусловно, ни один автор ранга Белинского не писал таким чудовищным языком» (Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 263).

В письме В.П. Боткину от 27–28 июня 1841 г. В.Г. Белинский писал: «Я начинаю любить человечество марадовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В13 т. М., 1956. Т. 12. С. 52).

Г.П. Струве счел нужным упрекнуть Маркова в письме от 16 апреля 1959 г.: «М.В. Вишняк писал мне опять кое-что о Вашей с ним переписке. Почему вы так с ним arrogantны? <От фр. arrogant — высокомерный.> Не забудьте все-таки, что ему 76 лет. Вы можете не уважать по существу его миропонимание, но либо нужно проявить некоторое формальное оказательство уважения, либо зачем вести переписку на такие острые темы и в таком остром тоне?» (Собрание Жоржа Шерона).